

УДК 168.522

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-87-93

СТРУКТУРНАЯ ПАРАДИГМА МЫШЛЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА АНТИГУМАНИЗМА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Коровин С.В.

*Воронежский государственный педагогический университет
394043, Воронеж, ул. Ленина, 86*

Аннотация. В статье рассматривается проблема детерминирования структурной парадигмой мышления тенденций антигуманизма в социокультурном пространстве. Эксплицируется процесс обозначенной детерминации посредством анализа философско-методологического развития структурализма в постструктурализм. Автор утверждает, что постструктурализм значительно расширил сферу своего философско-мировоззренческого интереса и в этом отношении выступил в качестве детерминанты развития антигуманизма, исторически подготовив замену онтологически «укоренённого» автора на эксплицитного метаавтора.

Ключевые слова: социально-гуманитарное познание, структурализм, постструктурализм, автор, антигуманизм.

STRUCTURAL PARADIGM OF THINKING AS A DETERMINANT OF ANTI-HUMANISM IN SOCIO-CULTURAL SPACE

S. Korovin

*Voronezh State Pedagogical University
86 Lenina Street, 394043, Voronezh, Russian Federation*

Abstract. The article considers the problem of structural thinking paradigm determination of anti-humanism trends in socio-cultural space. The marked process of determination is examined through the analysis of philosophical and methodological development of structuralism into post-structuralism. The author argues that post-structuralism has broadened the scope of its philosophical interest and acted as a determinant of the development of anti-humanism, historically preparing the replacement of the ontologically «rooted» author for an explicit meta-narrator.

Key words: socio-humanitarian knowledge, structuralism, post structuralism, author, anti-humanism.

Ориентация социально-гуманитарного познания на нормы неклассической и постнеклассической рациональности, дуалистичная представленность субъекта познания, характеризующаяся его неотчуждаемой связью с изучаемым объектом, понимание субъекта социально-гуманитарного познания как детерминированного социокультурной средой – всё это осложняет возможности научного анализа его деятельности.

Обозначенная проблема обнаруживала тенденции к своему преодолению, в том числе и на пути к элиминации культурного и экзистенциального содержания субъекта. Примером подобной тенденции являются структуралистские и постструктуралистские методолого-философские построения, сформированные в русле языкознания и простимулированные идеями Ф. де Соссюра, согласно которым язык является формой, а не субстанцией [2, с. 48], в дальнейшем развитые в общем русле «лингвистического поворота», закрепившего «... победу структуралистской парадигмы над субстанциалистской...», и спроецированные «... на понимание всей человеческой деятельности, а потом и универсума» [7, с. 71].

Вопрос взаимодействия структуры и субстанции, как определённых универсальных парадигм мышления, имеет в своём основании проблему критики классической метафизики и попыток её ниспровержения с позиций отрицания разума как элемента, составляющего сущность мира, и его тождественности познающему сознанию [6, с. 15]. Сциентистские установки подобной критики направлены прежде всего на монизм, в различных его интерпретациях, и тезис самоочевидности сознания. Важнейшей предпосылкой проблематизации структурной парадигмы мышления является её экстраполяция на понимание культуры.

Олицетворение культуры с языком и – далее – со структурой текста сделало невозможным рассмотрение текста как функционирующего в культуре, что привело к двум следствиям. Первое заключается в рассмотрении текста и его структуры в изоляции от субъекта (автора или интерпретато-

ра), второе – в низведении культуры в трактовке классической метафизики до «ничто», в материалистической трактовке – до фикции «ничто», а в терминологии структурализма – до «пустой клетки». *Ничто* в рамках структурализма приобретает способность порождать *нечто* через структуралистскую категорию позиционного смысла, формирующегося как комбинация элементов, «которые сами по себе не являются означающими» [4, с. 141]. Такое понимание смысла и смысла текста является закономерным итогом безсубстанциональной парадигмы мышления, формирующей смыслы из «циркуляции» бессмысленного в структуре, когда «бессмыслие совсем не является абсурдом или противоположностью смысла, но тем, что выставляет смысл, производит его...» [4, с. 142].

В своём развитии структурализм трансформировался в постструктурализм. Чётким маркером расхождения структурализма и постструктурализма признаётся замена оппозиции «структура – произведение» на оппозицию «произведение – текст» [6, с. 35]. Структурный подход, имеющих своим основанием оппозицию «структура – произведение», нацелен на выявление неявного смысла произведения и любого культурного феномена с целью его дальнейшей актуализации в рамках структуры. Вместе с тем, анализ ряда результатов структурных исследований, убедительно демонстрирует следующий факт: «... понятие структуры не позволяет объяснить<...> текст<...>, ибо в тексте возникает существенное приращение смысла...», так как текст и его смысл характеризуются, в том числе, своей

социокультурной природой [6, с. 22]. Таким образом, неявный смысл произведения, детерминированный культурной средой, не тождественен его структурному объяснению.

Указанные замечания относительно структурализма могут быть расценены как несущественные для научного познания, имеющего чёткие границы между трудами научными и произведениями художественными и, следовательно, научными и художественными текстами. Однако данное положение несправедливо для постструктурализма, сделавшего своим главным объектом уже не произведение, а текст. Подход к тексту, обнаруживаемый в постструктурализме, обозначает свой объект уже не как художественное произведение, но как текст вообще.

Примером подобного подхода к тексту, основанного на противопоставлении текста произведению, являются идеи Р. Барта, высказанные им в статье «От произведения к тексту». Кратко резюмируем их: а) текст неисчислимы, он «... размещается в языке, существует только в дискурсе...» [1, с. 415]; б) текст не классифицируем, «... не поддаётся включению в жанровую иерархию...» [1, с. 415]; в) текст открыт, произведение замкнуто [1, с. 416]; г) текст множественен, что вызвано «... пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан...» [1, с. 417]; д) текст независим от автора [1, с. 419]; е) текст сближает письмо и чтение [1, с. 420]; ж) текст связан с наслаждением без «... чувства отторженности...», в смысле непотребительского удовольствия [1, с. 419].

Из приведённого выше понятно то, что оппозиция «произведение – текст» в значительной мере отходит от пони-

мания текста как исключительно художественного, формируя понимание текста как универсальной постструктуралистской категории. Тенденция к рассмотрению культурной детерминированности неявного смысла, актуализируемая в структурализме, в постструктурализме уступила своё место тенденции рассмотрения культурной детерминированности «диктата» автора произведения и избавления от него. Изоляция авторского произведения от неподверженного данному диктату текста способствовала процессам редукции культуры к тексту [6, с. 37].

Тезис «культура тождественна тексту» окончательно устранил в постструктурализме исключительно методологические притязания, оформив его философскую парадигму, повлиявшую на понимание культуры в целом. Текст, тождественный культуре и фактически заменивший собой культуру на спекулятивном уровне, не смог заменить её на уровне онтологическом. Данное обстоятельство привело к формированию мировоззрения статичности культуры, её конца, обусловленного устранением из культуры её потенциального субъекта. Однако автор, дистанцированный в постструктурализме от текста, уступил своё место метаавтору, способному осуществлять функции авторского «диктата» в качественно ином смысле.

Принципиальным положением в отношении субъекта познания будет являться выделение двух схем деятельности субъекта в культуре. Первая схема характеризует субъекта как интерпретирующего и создающего смыслы непосредственно в культурном поле. Вторая схема характеризует субъекта как не создающего смыслы в куль-

туре и, как следствие этого, не существующего в культуре и для культуры. Создание смыслов и интерпретация осуществляется в рамках специализированной деятельности, оторванной от культурной традиции, формируя смысл как нематериальный, символический компонент товара; сформированный готовый смысл предлагается субъекту. Такой смысл отвечает конкретным, прагматичным целям и не может существовать в рамках культуры, так как он неизбежно будет проинтерпретирован, переосмыслен и вследствие этого потеряет свой изначальный вид, не сможет выступить в качестве нематериального компонента товара.

В данном случае речь идёт уже не об описанных Ж. Бодрийяром символическом обмене и производстве знаков, подменивших собой вещи и социальные отношения, когда потребление относится к системе значений, олицетворяется с языком или системой родства в примитивном обществе, что послужило формированию тезиса, согласно которому *существовать* – значит «быть знаком» [9, с. 61]. Вещь олицетворяется со знаком, а все процессы потребления, такие как обращение, покупка, продажа, являются определённой коммуникацией [3, с. 109]. Коммуникация через потребление предстаёт у Бодрийяра как принуждённая коммуникация, когда вещь, расцениваемая как знак, обретает свою знаковость в принуждении; подобное положение является возможным при рассмотрении потребностей как производительных сил, заставляющих развиваться капиталистическую экономику до известных пределов [3, с. 113]. Отчуждающие практики в дан-

ном случае предстают как всеобъемлющие, но, тем не менее, поступающие извне, из чётко определяемого капиталистическим производством «полюса», что даёт возможность, хотя и посредством негации, формирования неотчуждаемого смысла, исходящего из идеи нетождественности обозначющего и обозначаемого.

Последствия развития информационного общества окончательно утвердили примат метаавтора. Исследования в области коммуникации и социальной реальности позволяют сделать выводы, согласно которым, с одной стороны, «... социальные процессы характеризуются расширением доступности к социальным и культурным ресурсам, что позволило расширить ряд участников, задействованных в семантическом творчестве» [11, с. 38]. С другой стороны, текстовое пространство, освобождённое от диктата автора, получило данную свободу лишь как свободу предельно ограниченную возможностями интерфейса. В частности, отмечается то, что сетевые пространства, «... являясь, по сути, весьма свободными, иерархически децентрализованными, всецело обязаны своим существованием предоставляемым интерфейсам. Соответственно, сила, контролирующая генезис этих интерфейсов, их структурные особенности и связанные с ними практики, обретает контроль над функционированием сетевых структур» [10, с. 137].

Структурная и постструктурная парадигмы представляют из себя способ редукции социокультурного многообразия, проявляющегося в гуманитарном знании, к строгим закономерностям по типу естественных наук. Данное обстоятельство, в частности, обозначается

Г.К. Косиковым: «... структурализм, по сути, воспроизводит методологические тезисы, известные со времён О. Конта, Э. Ренана или И. Тэна. Разница заключалась лишь в том, что «старые» позитивисты онтологизировали казуальный детерминизм, а структуралисты – детерминизм имманентный, но в обоих случаях дело шло о «смерти субъекта» и о «смерти автора: вопрос заключался лишь в способах их “умерщвления”» [6, с. 6]. Данная «позитивистская направленность» структурализма объясняет неприятие им категории *субстанция* и попытки устранить субстанциональное понимание языка, начиная с Соссюра. Так, согласно Э.В. Ильенкову, «для позитивизма во всех его исторических разновидностях характерно последовательное неприятие категории субстанции как объективной категории» [5, с. 343].

Стремление к дегуманизации социокультурного пространства, продуцированию идей антигуманизма, являющихся следствием противоречия локально-прагматичного целеполагания и гуманистических устремлений социума, возымело свои не только научно-методологические, но и миро-

воззренческие последствия. Главные из них фиксируются в процессах деградации культурных архетипов, заключающих в себе «... выхолащивание их глубинного значения при активном внешнем использовании» [8, с. 31]. В результате подлинную культуру заменяет «... некий перетасованный архетипический симулякр без внутреннего содержания, которое новым поколениям недоступно, практически полностью утеряно и, главное, невос требованно» [8, с. 31]. Мы считаем, что обозначенное выше является следствием распространения структуралистской и постструктуралистской парадигм мышления на понимание культуры в целом, когда категориальная сетка структуры в её применении к культуре, понятой как текст, лишила статуса «существенного» не только автора, но и, как следствие, культурное пространство, в котором автор только и может существовать. Возможность преодоления данных негативистских тенденций современного социокультурного пространства мы усматриваем в волевой, целеполагающей деятельности субъекта, способного им противостоять.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Береснева Н.И. Язык и реальность. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. 182 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
4. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999. 187 с.
5. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
6. Косиков Г.К. «Структура» и / или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. 536 с.
7. Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66–79.
8. Листвина Е.В. Социокультурная ситуация и культурные ориентиры современности // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. № 1. С. 30–34.

9. Нестеров А.Ю. Существование и значение: проблема субстрата знаковой функции // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2014. № 4. С. 56–63.
10. Православский С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2015. 188 с.
11. Сергеев Д.В. Социокультурные условия кризиса выражения культурного смысла // Гуманитарный вектор. Проблемы реальности и её отражения. 2015. № 2. С. 35–39.

REFERENCES:

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]. M.: Progress, 1989. 616 p.
2. Beresneva N.I. Yazyk i real'nost' [The Language and Reality]. Perm': Izd-vo Perm. gos. universiteta [Publishing House of Perm State University], 2004. 182 p.
3. Bodriyar ZH. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [The Consumption Society. Its Myths and Structures]. M.: Respublika, 2006. 269 p.
4. Delez ZH. Marsel' Prust i znaki [Marcel Proust and Signs]. SPb.: Aleteiya, 1999. 187 p.
5. P'entkov E.V. Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture]. M.: Politizdat, 1991. 464 p.
6. Kosikov G.K. «Struktura» i / ili «tekst» (strategii sovremennoi semiotiki) [«Structure» and / or «Text» (Strategy of Modern Semiotics)] // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French Semiotics: from Structuralism to Post-structuralism]. M.: Progress, 2000. 536 p.
7. Kutuyev V.A. Krik o nebytii [A Cry about Nothingness] // Voprosy filosofii. 2007. No 2. Pp. 66–79.
8. Listvina E.V. Sotsiokul'turnaya situatsiya i kul'turnye orientiry sovremennosti [Socio-Cultural Situation and Cultural Landmarks of Modernity] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2015. No 1. Pp. 30–34.
9. Nesterov A.Yu. Sushchestvovanie i znachenie: problema substrata znakovoi funktsii [The Existence and Value: the Problem of Substrate Character Roles] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2014. No 4. Pp. 56–63.
10. Pravoslavskii S.S. Printsip sotsial'nosti i ego transformatsiya v informatsionnom obshchestve: dis. ... kand. filoz. nauk [The Principle of Socialism and its Transformation in the Information Society: Dis. ... Candidate of Philosophy]. Voronezh, 2015. 188 p.
11. Sergeev D.V. Sotsiokul'turnye usloviya krizisa vyrazheniya kul'turnogo smysla [Socio-cultural Conditions of Crisis, Expressions of Cultural Meaning] // Gumanitarnyi vektor. Problemy real'nosti i ee otrazheniya. 2015. No 2. Pp. 35–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коровин Сергей Валерьевич - аспирант кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет;
e-mail: korovinsw@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey Valeryevich Korovin – Post-graduate Student, Department of Philosophy, Economics and Socio-Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University;
e-mail: korovinsw@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Коровин С.В. Структурная парадигма мышления как детерминанта антигуманизма в социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 87-93
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-87-93

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

S. Korovin STRUCTURAL PARADIGM OF THINKING AS A DETERMINANT OF ANTI-HUMANISM IN SOCIO-CULTURAL SPACE / Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 2. pp. 87-93
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-87-93